

Как-то раз Сюй Сюсю услышала от замужней старшей сестры одно утверждение.

Сможет ли женщина гордо выпрямить спину зависит всего от трех моментов: во-первых, от отношения со стороны ее родной семьи, во-вторых, от ее собственных способностей и темперамента, и в-третьих, самое сложное — от поддержки мужа.

Эти три пункта так важны, что если имеешь силу хотя бы в одном из них, то твоя замужняя жизнь не будет слишком сложной.

И вправду прежняя жизнь Сюй Сюсю была очень тяжела, так как ни одно из этих условий невозможно было выполнить.

Когда она вышла замуж, ее собственная семья практически перестала с ней общаться. Даже в первый день лунного Нового года женщины той семьи не хотели видеть Сюй Сюсю у себя в гостях, считая что она обязательно примется жаловаться и что-нибудь кланчить. Как она могла рассчитывать на поддержку семьи, которая уже закрыла свою дверь перед ней?

Что касается ее собственных способностей, то Сюй Сюсю трудолюбива и вынослива. Однако можно ли найти в наше время в сельской местности женщину, которая не умела бы работать? А помимо этого у нее был лишь мягкий уступчивый характер, которым легко смогли воспользоваться новые родственники, то и дело обижая и притесняя ее.

Муж же ее, Цзян Лю, был до глупости переполнен сыновей почтительностью. Он, как образцовый сын, беспрекословно слушался своих родителей и упорно трудился на благо всей семьи. Даже понимая, что его обделяют, он не только продолжал мириться с этим сам, но и от Сюй Сюсю требовал терпеть такое отношение. Стоит ли ожидать поддержки от такого мужа?

Но теперь все иначе. Ее муж полностью изменился после того, как свекровь разбила его сердце. Он не только больше не слушался ее глупых требований, а еще и становился все более внимательным к собственной жене.

До травмы головы Цзян Лю, Сюй Сюсю даже представить себе не могла, что сможет когда-то пользоваться питательным кремом для лица, а на руки наносить моллюсковое масло, или что будет красоваться в новом платке. Тем более не могла она представить, что этот мужчина будет помогать ей кипятить воду и готовить, пока она на работе в поле.

В последние дни Сюй Сюсю наконец смогла ощутить что такое крепкий тыл. Ей больше не нужно держать язык за зубами перед лицом обидчиков. Она может свободно выражать свое мнение и добиваться того, чтобы быть услышанной.

Сюй Сюсю наконец-то почувствовала себя человеком.

В отличии от счастливой Сюй Сюсю, Ван Сюмэй, когда осознала слова старшей невестки,

пришла в ярость.

— Чего это ты творишь? Расшвырялась тут. Неужто у нас в доме стало слишком много полезных вещей, а?! — из дома вышла Мяо Цайфэн и, увидев, как ее вторая невестка с размаху плюхнула на землю ведра, расплескивая воду, немедленно сделала ей выговор.

— Мама, вы просто не знаете, что невестка... — хотела, было, пожаловаться Ван Сюмэй, но вдруг осознала, что ей нечем оправдать свое расстройство. Она пожелала отобрать совсем новый платок своей старшей невестки, а та его не отдала. Кто бы не узнал об этом, то скорее назвал бы Ван Сюмэй глупой, чем Сюй Сюю — скупой.

С момента разделения семьи старуха вела себя так, словно совсем не желала знать с домом своего старшего сына. Так что если Ван Сюмэй сейчас начнет жаловаться свекрови, та, скорее всего, лишь отругает ее.

— И что же не так со старшей невесткой? — спросила Мяо Цайфэй, приподняв бровь.

— Ничего. Просто старший брат заработал деньги и купил жене новый платок. Я увидела на улице как она отвратительно хвастается и подумала, как мог старший брат ничего не купить для вас. Видно, вся его почтительность раньше была сплошным притворством, — опустив глаза Ван Сюмэй, попыталась перенести конфликт на свекровь.

— Наши семьи уже разделились. Они могут покупать все, что им вздумается. Так что позаботься о себе и не суй свой нос в чужие дела, — когда Мэй Цайфэн услышала слова невестки, ее лицо вдруг омрачилось, но было неясно, произошло это из-за того, что она заметила провокацию в словах Ван Сюмэй, или потому, что она и вправду рассердилась на старшего сына, забывшего купить ей подарок.

— Что ни говори, а родители остаются родителями, даже если семьи разделились, — буркнула Ван Сюмэй приглушенным голосом. Не думают же эти два старика, что она с мужем действительно будет заботиться об их старости в одиночку?

— Хмф, когда проходил раздел семьи, было черным по белому записано, что вы с Хай-цзы будете обеспечивать нашу старость и получите в наследство главный дом, в котором мы все сейчас живем. Если вы не хотите этого делать, предупредите нас заранее. Пока мы со стариком способны работать, нам придется поднатужиться и накопить денег за оставшиеся годы, чтобы потом не помереть с голоду.

Свекровь пристально уставилась на нее глазами, зияющими, словно дно медного колокола. И хотя слова ее были великодушны, казалось, что она порвет Ван Сюмэй на куски, стоит той согласиться.

Поскольку любимый младший сын Мяо Цайфэн работал в подчинении у тестя, она не стала говорить ничего слишком резкого, а сформулировала фразу так, словно дает невестке

возможность выбора.

— Мама, о чем выговорите? Думаете, мы с Хайхаем такие люди? Не беспокойтесь, мы точно позаботимся о вашей с отцом старости, — Ван Сюэмэй тут же изменилась в лице, ведь старики все еще могли работать в поле, помогать ей с детьми и в работе по дому. Надо быть полной душой, чтобы открыто заявить, что она не хочет поддерживать их в старости.

Ее семья не из бедных, но все состояние достанется ее братьям. А для нее, как замужней дочери, по мнению родителей, достаточно помочь ее мужу найти работу. Так что Ван Сюэмэй действительно ценила дом, в котором сейчас жила и уже считала его своей собственностью.

— Хорошо, что ты это понимаешь, — вздернув брови, Мяо Цайфэн еще раз внушительно посмотрела на невестку, а затем, подхватив принесенные той ведра, развернулась и направилась на кухню.

— Бессердечный болван! Уж и не знаю, того ли младенца я забрала из роддома, когда он родился! Этот идиот и не подумал отдавать долг, когда у него появились деньги, а вместо этого купил жене какой-то дурацкий платок! — скрывшись от посторонних глаз, Мяо Цайфэн не смогла удержаться и грюкнула ведрами с гораздо большей силой, чем обычно.

Все это время, услышав, что старшему сыну удалось немного подзаработать на плетении из соломы, Мяо Цайфэн чувствовала облегчение. Хотя она и относилась к нему предвзято, но все же была не настолько суровой, чтобы ругать сына только за то, что у него все складывается хорошо.

По мнению Мяо Цайфэн будет просто прекрасно, если семье старшего сына удастся заработать и выплатить долг побыстрее. Она даже думала, что когда гнев с обеих сторон поутихнет, они смогут помириться, и она позволит старшему усыновить одного из детей младшего сына.

Когда в прошлом году в стране возобновились вступительные экзамены в вузы, сельские жители, которые раньше не уделяли особого внимания учебе, вдруг прозрели и один за другим принялись отправлять своих детей в деревенские начальные школы. Однако разве затраты на обеспечение такого ребенка до самого поступления в университет не будут слишком велики?

Мяо Цайфэн уже думала об этом. Даже будучи учителем, ее младший сын не сможет заработать достаточно, чтобы вырастить двух ее долгожданных внуков, не говоря уж о том, чтобы построить дом для каждого из них и женить их в будущем.

Выкуп за невесту растет с каждым годом. Мяо Цайфэн слышала, что в городе вошло в моду требовать в качестве выкупа так называемый набор символов достатка: часы, велосипед, швейную машинку и радиоприемник. В итоге каждый раз, когда она думала о будущей женитьбе внуков, у нее начинала болеть голова.

П.п.: Китайская идиома 三鞭鱼 (sān zhuǎn yú xiǎng) появилась в 70-х годах прошлого века, когда

вышеперечисленные предметы были столь редкими, что действительно стали символом достатка. Дословно переводится как «три крутящихся и одно звенящее».

Если старший усыновит племянника, тот позаботится о его старости, а заодно это облегчит ношу для семьи младшего. И все счастливы, разве не так?

Конечно, Мяо Цайфэн просто выдавала желаемое за действительное. В глубине души она понимала, что после того случая старший сын отдалился от них и, скорее всего, не захочет усыновлять племянника.

Но это не могло помешать ей выразить свою точку зрения на то, как сын тратит деньги. Консервативный характер старшего поколения способствовал тому, что они терпеть не могли любые долги. На данный момент не было слышно ни слова о том, что старший сын выплатил долг больнице. Зато он потратил деньги и купил платок жене. С точки зрения престарелой матери Цзян Лю словно сам напрашивался на то, чтобы его отругали.

Однако разделение есть разделение. Теперь Мяо Цайфэн могла лишь бурчать себе под нос. Она не могла даже показывать свое недовольство перед младшим сыном и его семьей, что ее просто убивало.

На третий день после возвращения Цзян Лю из города, руководство бригады, включая старика Гуаня, все обсудили, подвели итоги и приняли решение. Затем рано утром с помощью радио всех членов общины оповестили о проведении всеобщего собрания вечером после ужина на поле перед общинным гумном. Присутствие было обязательным для всех, кроме стариков, которым уже тяжело ходить, и кормящих матерей с грудными младенцами.

Невозможно было обсуждать подобный вопрос с несколькими кадровыми сотрудниками так, чтобы больше никто ничего не узнал. Поэтому к началу собрания некоторые уже знали о чем будет идти речь, однако не могли прекратить судачить. Многие даже почувствовали облегчение, узнав о проведении общего собрания.

Во время этой встречи бригадир Гуань кратко рассказал команде, что городской универмаг готов сотрудничать с ними и выставить на прилавки плетеную утварь, произведенную в их бригаде. Затем он подробно рассказал о роли Цзян Лю в этой истории и о его предложении.

После он объявил, что с завтрашнего дня женщины и старики, которые не могут выполнять тяжелые работы, смогут прийти к Цзян Лю для обучения его ремеслу. По завершении обучения каждый получит свою долю работы, оплата за которую будет сдельной. За исключением первых двух лет, когда они должны будут отчислять десять процентов дохода Цзян Лю, заработанные деньги будут полностью в их распоряжении.

Для любого в бригаде это был отличный шанс заработать. И плата за обучение в десять

процентов была ничтожна по сравнению с теми деньгами, которые они смогут получить.

Однако старик Гуань также заявил, что с нынешнего дня тростниковая солома, бамбуковые побеги и другие материалы, которое могут пригодиться в плетении, станут собственностью общины, и любой, кто захочет зарабатывать на этом, должен будет покупать сырье у бригады. Вырученные от такой продажи деньги будут переданы на нужды государства.

Некоторые выразили недовольство этим требованием, но бригадир быстро разъяснил, что если они не соберут деньги за сырье, но продадут сделанные из него товары, то их могут обвинить в следовании капиталистическому пути и судить за растрату государственных ресурсов. Он подчеркнул, что это немаленький проект. Как только бригада начнет хорошо зарабатывать, за ними наверняка последуют и другие коммуны. Поэтому важно с самого начала все делать правильно.

К счастью, цена на солому была не слишком высока. Если считать, что за одно изделие можно выручить примерно пол-юаня, а затраты на солому не превысят 10–20 фыней, тогда даже с учетом платы за обучение, чистая прибыль составит более 20–30 фыней. Если делать три-четыре изделия в день, то дневной заработок достигнет целого юаня, а это 20-30 юаней в месяц.

П.п.: Фынь или фэнь (𧰨, fēn) — китайская копейка, одна сотая юаня.

В нынешнее время такие деньжищи зарабатывают только заводские рабочие!

Стоило крестьянам завершить подсчеты, как их сердца вспыхнули энтузиазмом.

— Но я вас сразу предупреждаю: все, кто способен работать в поле, должен выходить на работу вовремя. И меня не волнует, будете ли вы помогать семье с плетением после возвращения домой. Полевые работы должны быть выполнены как следует. Если кто будет лениться и отлынивать, то ни одна женщина из его семьи не сможет обучаться у Лю-цзы. Кроме того, все женщины, помимо тех, кто уже слаб из-за возраста, обязаны выполнять всю свою обычную работу на ферме. Мне все равно, сколько вы готовы тратить времени на плетение, но вы можете заниматься этим только после того, как закончите работу.

Для крестьян полевые работы всегда в приоритете, так что со словами старика Гуаня согласились все. Встряхнулись даже те, кому мечты о невероятных доходах вскружили голову.

Однако большинство осталось довольно таким положением вещей. При нынешнем доходе этих работяг, они бы обрадовались даже паре лишних юаней в месяц.

— Лю-цзы такой щедрый!

— Верно, мы не ошиблись на счет него. Этот парень настоящий праведник!

Цзян Лю с головой засыпали похвалой. С этого момента он стал благодетелем для доброй половины членов бригады.

<https://vk.com/webnovell> — промокоды на главы, акции, конкурсы и прочие плюшки от команды по переводам K.O.D.

<http://tl.rulate.ru/book/45346/1344264>